

ОТКРОВЕННАЯ ПАПКА

Катастрофа

Драматург — известный всему Парижу поэт, писатель, эссеист, художник, режиссер Жан Кокто. Начинающий артист — Жан Марэ.

Месяца два Кокто не дает о себе знать, Марэ в недоумении. Как вдруг в его квартире раздается звонок. Вздвигнувшийся Кокто умоляет:

— Приходите немедленно, случилась катастрофа.

Марэ сломая голову бежит к нему в отель.

— Что произошло?

Трагический шепот в ответ:

— Катастрофа... я влюблен в вас.

— Я тоже влюблен в вас, — хладнокровно врет Марэ. Никакой любви к Кокто он не испытывает. Но хорошо понимает, нельзя отказываться от подарка, который преподносит судьба. Лучшего гйда-покровителя, чем Кокто, который проведет по извилистым лабиринтам искусства, быть не может. Юный Жан играет любовь, но недолго. В один прекрасный день он понимает, что безумно влюбился в Кокто и уже не может жить без него. Он задает себе вопрос: "Что я способен сделать ради него?" И не колеблясь отвечает: "Все! Я отдал бы за него жизнь".

Человек-оркестр

Как выглядел Жан Марэ, описывать не надо. Это красота, от которой перехватывает дыхание. Красота юного греческого бога, шагнущего из древнего мифа в современную, карнавальную парижскую действительность.

Ты прекрасен, точно лира,

Ты прекрасен, как покой...

Очень скоро напишет в стихах, посвященных молодому любовнику, Кокто.

А как выглядел Кокто, которого во Франции называют человеком-оркестром? Поразительно тонкий, стремительный, элегантный. Рукава пиджака засучены на тонких запястьях. Рубашка с очень узкими манжетами и тугим воротником; галстук тоже так туго завязан, что, кажется, задушит его. Узкое лицо, которое еще более удлинняет непокорная шея, живые, нежные, бледно-голубые глаза. И, наконец, волнующий голос, уверенный и беспечный, звучащий незабываемой музыкой. Обаяние и блеск красноречия Кокто не укладывались в обычные рамки.

Аромат опиума

Кокто необычен и притягателен, как и те интерьеры, в которых он обитает. Разбросанные в беспорядке тетради и книги, развешанные по стенам рисунки, серебряные иглы, нефритовые кольца, янтарное яблоко с бриллиантовыми лепестками, золотые коробочки. А еще друзья и знакомые, словно драгоценная рама, обрамляющие бурную жизнь Кокто. И среди них самый преданный — Коко Шанель, оплачивающая денежные счета и художественные прихоти Кокто. А также аромат опиума, сопровождающий Кокто до самой смерти.

В первый день их встречи Марэ дал слово, что заставит Кокто отказаться от наркотика. Впоследствии он не раз убеждал друга пройти курс дезинтоксикации. Кокто ложился в клинику, лечился, но затем вновь бросался в опиумный рай.

— Опиум — это самый умный запах, — любил повторять Кокто высказывание Пикассо. Без опиума он не мог жить, не мог проснуться утром.

Итак, они вдвоем в номере отеля Кокто. В 12 часов трубка опиума, которую делает друг Марэ, затем ванна, ее для Кокто также готовит Марэ. И лишь к четырем часам дня они отправляются завтракать.

Садовые кресла

Перед репетициями новой пьесы Кокто — "Рыцари Круглого стола", где должен был играть Марэ, они поехали отдохнуть на юг, в Тулон. Как-то вечером Кокто заметил поразившую его вывеску торговца перчатками. С тех пор всякий раз, проходя мимо лавки, он говорил, что мечтает иметь эту красную железную перчатку. Однажды ночью, ничего не сказав Жану, Марэ влез на второй этаж и сорвал перчатку. Когда он принес ее Кокто, тот не поверил своим глазам.

А в 1938 году, после того, как Марэ сыграл в "Трудных родителях" Кокто, на него обрушивается триумф. И в это же время Кокто и Марэ переезжают из отеля в уютную квартиру на площади Мадлен. Не было денег, не было мебели, но были фантазия и любовь. Они купили на блошином рынке два дружинных матраца и тюфяки, лампы, морской сундучок, служивший Кокто ночным столиком. Но не на чем было сидеть. Тогда Марэ отправляется в сад на Елисейской поля, и там, на глазах у ошеломленного полицейского и двух проституток, крадет два железных садовых

Ничто

не

обещало

изысканного

сюжета. Все

начиналось, как

бессчетное множество

других подобных историй.

Молодой человек мечтает о

карьере артиста. Удача улыбается

ему, и он знакомится с известным

драматургом. Юноша прекрасно

осведомлен о сексуальных симпатиях мастера,

но не очень беспокоится на этот счет. Он приходит к

драматургу в номер отеля, один раз, второй, третий...

Драматург читает ему пьесу. Молодой человек восхищен

пьесой и талантом драматурга, ожидая момента, когда надо будет

от слов переходить к делу, к постели. Но драматург неожиданно

исчезает.

кресла. Взяв их себе на плечи, он приносит железки в их божественное гнездышко. Выкрашенные в белый цвет и украшенные подушечками кресла смотрятся совсем неплохо. Это Париж.

Жизнь любовников так же празднична, как самый легкомысленный город мира. Почти каждое утро Марэ находил под дверью своей комнаты листки, сложенные таким образом, что, когда он их раскрывал, всякий раз получался новый рисунок. Это листки со стихами, которые ночью писал Кокто своему другу, а затем подсовывал под дверь.

Взбесившийся фаллос

Пишу стихи, пока он спит, любовник мой — Спит золотой волос и пола знак златой. Но скоро этот знак, завороченный снами, поднимется, как ствол, как мраморное пламя, Колонной золотой он встанет, чуть круглясь. Здесь мрамора с огнем так ощутима связь. А на холодный жезл он не похож и с виду; От сердца импульс шел неведомого Жиду. Уччелло, Винчи... все ловили и не раз, И тысячи других, тот импульс, как приказ, Они хотели все, чтоб сила, славив с силой, Пред крепостью любой в них мужество вселила. Далекие от зла, от игр пустых и нег, Хранили наш секрет, сверкающий, как снег; Поскольку правда спит, невидима, пуглива,

И палец золотой к губам прижат стыдливо. С улыбкой помолчим, с достоинством любя. Любовник мой, пишу на сердце у тебя.

Этот золотой, пульсирующий знак пола станет главным персонажем и эротических рисунков Жана Кокто. Серия "Фавн" появилась у Кокто до знакомства с Жаном Марэ. Но удивительным образом этот фавн похож на Марэ, как будто Кокто заранее предвидел встречу с юным другом.

Эротические рисунки Кокто: это легкая, поэтичная линия, радостное восхищение мужским телом, и вздыбившийся фаллос — смысл и восторг жизни. Секунда, и этот вулкан выбросит из своих трепещущих недр горячую белую лаву.

В 1947 году Кокто выполнит 29 литографий для подпольно изданного романа Жана Жене "Кэрель из Бреста". В которых ему удается передать восхитительное бесстыдство и нежность романа. Его рисунок следует за самыми откровенными сценами романа. Скажем, этими: "Они возбужденно шептались, и слова, как золотая пыль, вылетали из их приоткрытых ртов. Кэрель слегка сжимал ягодицы, а Норбер напрягал мускулы спины. Приятно, когда ваш член зажат плотно, как в тисках. Но не менее приятно и самому удерживать в себе член атлета, который может высвободиться, лишь спустив вам в зад. Иногда Кэрель ощущал, как погруженный в него твердый член начинал дрожать, тогда его зажа-

ЖАН И ЖАННО

ГОЛУБАЯ ФОРМУЛА ЛЮБВИ

Жан Кокто, Эдвиг Фейер и Жан Марэ во время репетиций "Двуглавого орла". 1946 г.

ня. Или мысль о боли, которую мне причинишь, помешает тебе любить его. Я не простил бы этого до самой смерти..."

"Мой возлюбленный Жанно!"

Я не знал, что можно так любить, как я люблю тебя... Мой прекрасный ангел, обожаю тебя и, повторяю, хочу только, чтобы ты был счастлив... Жанно, ты скажешь, что у меня мания писать письма. Но так приятно писать тебе по ночам и посылать свою нежность тебе под дверь...

"Целую твоё нежное сердце".

Кокто не прекращает забрасывать Марэ письмами даже во время войны, когда Марэ призван в армию и уезжает из Парижа. С одной почтой от Кокто приходило по три-четыре письма.

Но кроме любви есть еще слава, которую Кокто дарит Марэ. Сначала это спектакли по пьесам Кокто, на которые собирався весь Париж, а потом фильмы, принесшие Марэ мировую известность. "Трудные родители", "Двуглавый орел", "Вечное возвращение", "Красавица и Зверь", "Орфей", "Завещание Орфея". После премьерных показов зал вставал, устраивая бешеную овацию двум волшебникам искусства. Сегодня, всматриваясь в черно-белый экран с фильмами Кокто-Марэ, кажется, что от пленки исходит таинственный свет нежности и любви, той любви, которой они жили в то время.

Какая холодная осень

Эта любовь не закончилась и тогда, когда они разошлись. У Кокто появляется новый друг, и Жанно уезжает от Жана. Через некоторое время Марэ знакомится с танцовщиком из кабаре "Лидо", тесная дружба с которым продлится десять лет. У Жана и Жанно теперь отдельная дружба от друга жизнь и уже не совместное творчество. Но когда у Кокто случился первый инфаркт, Марэ, находившийся в то время в Голливуде, бросив все, приезжает к другу. Кокто выздоравливает, они видятся довольно часто. После одной из встреч Кокто вновь пишет Жану: "Мой Жанно! После твоего отъезда меня охватило страшное чувство одиночества... Ты уехал, и я словно упал в пустоту. Ты забыл свои меховые перчатки. Я унес их к себе и целовал, с трудом сдерживая слезы".

Затем у Кокто случается второй инфаркт, Жанно увозит его в свой дом в Марне. Вместе Кокто туда словно переезжает атмосфера текомнат, где они когда-то жили вместе. Лампа, серебряные иглы, трубки, книги, тетрадки, милые безделушки. Все это возвращает Марэ к давним временам, когда Кокто впервые читал ему "Рыцарей Круглого стола", а он, мальчишка, мечтающий о карьере артиста, тихо сидел на полу возле его кровати и слушал. Через некоторое время Кокто учится заново ходить, заботливо поддерживаемый под руку другом Жанно.

На смену бурной весне и жаркому лету их отношений приходит осень. Увы, не золотая, а холодная. Но вскоре и ей наступит конец.

Завещание Орфея

11 октября 1963 года. Жан Кокто умер от отека легкого. Марэ потрясен потерей друга. И, как когда-то Кокто писал ему любовные послания, подсовывая их под дверь, теперь Марэ пишет свое объяснение в любви, подбрасывая под дверь, ведущую в иные, пока не открытые для него миры.

"Меня смущает твоё одеяние академика. Мне хотелось, чтобы на тебе был белый купальный халат, покрытый пеплом, халат, который я так любил. Обнаженная шлага кажется неуместной рядом с тобой, хотя это — шлага мира. Но твои руки созданы не для нее. Они созданы для любви и дружбы. Они изваяны из нежности и великодушия, простоты и изящества. Руки добросовестного рабочего, гениального ремесленника. Гибкие, ловкие, таинственные, непостижимые и чистые. Руки художника, скульптора, короля. Руки поэта и доброго гения. Они прикоснулись ко мне в 1937 году, и я заново родился. Родился в лучезарном мире, полном добра и любви."

И сейчас твоё лицо освещено добротой...

Жан, я люблю тебя.

В моей комнате два твоих бронзовых в натуральную величину бюста. Первый сделал в самом начале нашей дружбы Апель Феноза. Второй — накануне дня, когда ты ушел, — Арно Брекер. Круг еще раз замкнулся, и так страшно... Может быть, это последний знак судьбы.

Жан, я люблю тебя.

Ты сказал в "Завещании Орфея": "Сделайте вид, что вы плачете, друзья мои, потому что поэт только делает вид, что он мертв". Жан, я не плачу. Я засну. Я засну, глядя на тебя, и умру, потому что с этих пор буду лишь делать вид, что живу".

Все начиналось так обычно, а закончилось волшебной сказкой о любви. Очень похожей на те красивые истории, которые Кокто и Марэ разыгрывали на сцене и в кино. В двадцатом веке это, наверное, одна из самых поэтичных любовных историй.

Владимир КОТЫХОВ.

тый в руке член тоже вздрагивал. Он спокойно и уверенно сжимал свой член, сосредоточенно вникая движению огромного стержня внутри себя. Потом, уже застегнувшись, они улыбнулись друг другу". Кокто удается передать дух романа, любовные игры его персонажей.

Любовь к мужчинам, к их телам, к фаллосу была с Кокто так же, как и опиум, до конца жизни. За два года до смерти он все еще восхищенно изображает мальчиков, сгорающих в сладких, чувственных объятиях; их открывшиеся для любви ягодицы; вздынувшиеся в черном мхе волос, мощные члены.

В 1998 году эротические рисунки Кокто выходят отдельным альбомом.

Целую твоё нежное сердце

А роман Кокто и Марэ продолжается. Одновременно со стихами Кокто забрасывает друга письмами, в которых все: любовь, боязнь его потерять, ревность и снова любовь.

"Мой обожаемый Жанно! Я полюбил тебя так сильно, что приказал себе любить тебя только как отца... Я смертельно боюсь лишиться тебя свободы..."

"Мой Жанно, повторяю, ты для меня — все. Мысль о том, что я могу стеснить тебя, стать преградой для твоей чудесной юности, была бы чудовищна... Подумай. Ты встретишь кого-нибудь из твоих ровесников и скроешь это от ме-